Бешеное отчаяние пронеслось в ее голове. О Боже, о чем я вообще думаю?

Вопрос, на который она знала неловкий ответ. Изуми возбуждала ее, так, так возбуждала. И ей нужно было облегчение. Ей нужно было прикоснуться к себе, чтобы снять возбуждение, так же как Идзуми нужен был молокоотсос, чтобы снять тяжесть и давление молока, которое производили ее сиськи.

Рука Мисси опустилась между бедер, к ее возбужденному и болезненно чувствительному клитору. Она раздвинула ноги и начала медленно, тайно тереть свой клитор. При этом в ее сознании возникали все более извращенные и несомненно желанные образы. Образы, которые она не могла остановить. Сначала образ молока, вытекающего из сосков Изуми. Затем молоко стекает по контуру ее груди. А затем струилось в рот Мисси. Не из бутылочки, а прямо из соска Изуми, тонкими струйками каждый раз, когда Изуми сжимала ее грудь своими руками. Наконец, Мисси представила, как она прижимается губами к соску, сосет и глотает эту сладкую, теплую жидкость.

Киска Мисси так сильно болела. Она должна была быстрее доставить себе удовольствие. Она дышала тяжелее и издавала тихие стоны, в то время как фантазии о кормлении грудью Идзуми бушевали в ее сознании, несмотря на все ее попытки заглушить их.

Ближе к оргазму ее пальцы ног подогнулись. Спазмы сотрясали ее. Ее пресс пульсировал короткими сокращениями, как и ее бедра и киска. 'Блядь!' пробормотала она, когда последнее сильное сокращение привело к горячей разрядке удовольствия.

Она опустилась в воду, вздохнула и покраснела от огромного стыда за то, что она только что сделала, как будто только что совершила серьезный грех. Стыд и растерянность. Смущение от того, что такие мысли могут быть такими ясными, так сильно будоражить ее, и как легко она могла зациклиться на них. Она никогда раньше не зацикливалась на груди другой девушки. Во всяком случае, не в сексуальном плане.

В ужасающем повороте событий, Идзуми, которая, по мнению Мисси, крепко спала, заговорила.

"Наслаждаемся приятным моментом, да?" сказала она. Ее голос холодным эхом отразился от валунов вокруг них. На губах Изуми появилась улыбка, хотя глаза были закрыты.

Ужасный холод пробежал по телу Мисси. Она издала отрывистый вопль, как щенок, которому только что наступили на лапу.

"Ч-что?" заикаясь произнесла она.

Идзуми повернулась на бок, приподнялась на локте. Ее ухмылка стала шире.

"Ты думала, что ведешь себя как подлый ниндзя-мастурбатор? Ты там очень шумела, Мицуки".

Мисси захотелось зарыдать. Она действительно думала, что поступает подло. Теперь ей хотелось выпрыгнуть из воды и убежать, но это было бы не очень хорошей идеей, ведь она все еще была голой. Поэтому она просто спрятала лицо в ладонях от стыда.

"Мне так, так, так жаль, Идзуми! Я думала, ты спишь!"

Она села. Опустила ноги в воду и игриво попинала.

"Я спала. Ты разбудила меня своими стонами".

"Я не стонала!" пискнула Мисси.

Идзуми начала издавать громкие, высокочастотные стоны. "О да! О да! О да! "

Мисси еще глубже зарылась лицом в свои руки. Изуми захихикала.

"О, не стыдись, Мицуки. Я все понимаю. Иногда у тебя появляется зуд, который просто необходимо почесать. Со мной такое постоянно случается".

Она подняла бровь, ее улыбка стала шире, и она наклонилась, чтобы прошептать,

"Знаешь, однажды в автобусе до Канадзавы дорога стала особенно неровной, и..."

"Стоп!"

Идзуми бурно плескала воду ногами, хихикая.

"Знаешь, Мицуки, если тебе нужны какие-нибудь игрушки, у меня дома их полно".

Мицуки закрыла уши и сжалась в клубок. "Мы можем просто бросить это? Может, сотрем этот момент из нашей памяти?"

"Хорошо, хорошо. Я оставлю это. Но для протокола, я не думаю, что тебе стоит смущаться. В любом случае, уже поздно. Как насчет того, чтобы отправиться домой и поужинать? Хочешь пиццу? В городе есть хорошее место с доставкой".

Оставаясь верной своему слову, Идзуми с тех пор ни разу не упомянула о том, что Мисси доставляет ей удовольствие. По дороге домой они немного поговорили о жизни Идзуми, о том,

как она вернулась на ферму, где выросла. О карьере, которую она оставила. Мисси с удивлением узнала, что Идзуми была корпоративным юристом, талантливым юристом, на пути к тому, чтобы стать партнером в престижной фирме в Токио, но с годами ужасный баланс между работой и личной жизнью взял над ней верх. Она просто сгорала от жестоких часов, высокого и постоянного темпа работы, частых выходных и ночных загулов в офисе, а также социопатически несимпатичного начальства. Затем она забеременела, и хотя рождение ребенка никогда не входило в ее планы, она прозрела, что не хочет, чтобы карьера юриста входила в ее планы. У нее было достаточно денег, чтобы быть финансово независимой, поэтому она уволилась с работы и вернулась в Фукуи, чтобы жить на своих условиях.

Ее родители когда-то выращивали дыни, но это было несколько десятилетий назад. С тех пор они, как и многие другие сельские японцы, соблазненные городской жизнью, переехали в Токио. Когда два года назад она вернулась в сельскую местность Фукуи, ферма находилась в запущенном состоянии. Дынная ферма давно заросла дикими сорняками и ежевикой, а сам дом был непригоден для жизни, как груда палочек для дженги.

За эти два года, вложив в него большую часть своих сбережений, пота, слез и крови, она сумела превратить дом в нечто уютное и красивое. Ее дыни быстро завоевали репутацию. Они так ценятся по всей Японии, что часто быстро раскупаются на аукционе - если ей удается выставить хоть одну из них на торги до того, как в магазин с парашютом прилетят чрезмерно жадные владельцы магазинов и сделают ей непомерные предложения, чтобы отсечь конкурентов (не то чтобы она жаловалась). Конечно, она не зарабатывает на своих фруктах столько, чтобы разбогатеть, но этого вполне достаточно для безбедного существования. Несомненно, она была счастлива. Мицуки поняла это по тому, как она сияла.

Они ели пиццу, сидя на качелях на крыльце, и, пока ели, смотрели, как вечерние грозовые тучи собираются над ними, чтобы разорваться и пролиться громким муссонным дождем. Дождь был приятным. Он сильно охладил воздух и продолжался недолго. Когда он утих, запели лягушки, и светлячки вышли в полную силу, мигая своими желто-известковыми огнями, танцуя среди дикой травы.

К пицце прилагалась литровая бутылка содовой "Кальпис" - газированного, слегка кисломолочного напитка. Обычно это было одним из любимых удовольствий Мисси, но сейчас у нее не было на него сил, так как его жемчужный цвет слишком напоминал ей грудное молоко Изуми. Она уставилась на бутылочку Кальписа, как в бездну. Она смотрела так долго, что бутылка начала смотреть в ответ. К счастью, Идзуми удалось вывести ее из транса Кальписа.

http://erolate.com/book/769/13843